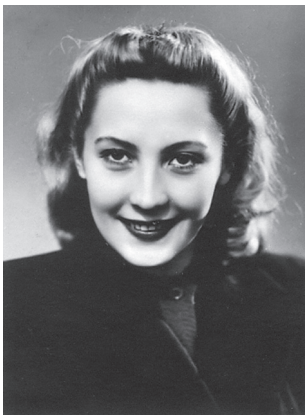

Н. Б. Ястребова

«ПОСЛЕ ВЫПУСКНОГО БЫЛА ВОЙНА...»

Н. Ястребова. 1950-е гг.
Фото из архива АРБ
имени А. Я. Вагановой

Нонна Борисовна Ястребова (1923–2014) — выпускница ЛГХУ 1941 г. (педагог А. Я. Ваганова), артистка Театра оперы и балета им. С. М. Кирова (1941–1964).

Награждена орденом Отечественной войны, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Нечасто бывает, чтобы для выпускного вечера ставился полноценный большой балет. Обычно берут дивертисменты или дивертисмент и одноактный балет. А для моего выпускного спектакля по решению совета училища ставился трехактный балет «Бэла» (на музыку В. Дешевова). Это был первый балет Бориса Фенстера, оканчивающего балетмейстерское отделение, которое организовал при училище Федор Васильевич Лопухов. Все роли исполняли ученики, ведущие партии — в основном выпускники.

Я танцевала Бэлу. Наверное, я была неплохой ученицей, если Ваганова доверила мне ведущую партию — это была большая честь. Печорина танцевал Анатолий Синицын, высокий, красивый, с интеллигентной внешностью, Максима Максимовича — Валерий Богданов, свата — Борис Айзин, невесту — Валя Румянцева, моя подруга и одноклассница, очень способная, Казбича — Мансур Камалетдинов, ученик национального отделения.

Работать было очень интересно. Когда танцуешь старое, много лет исполняемое другими балеринами, то невольно что-то повторяешь, а здесь — собственное творчество, ведь Фенстер ставил на нас, на наши возможности, физические данные. На репетиции часто приходил Лопухов. Фенстер был его подопечным, и Лопухов тактично, но контролировал его. Агриппина Яковлевна также смотрела, что-то подсказывала. К ней относились с огромным уважением, ее авторитет был просто непререкаем.

Генеральная репетиция в театре — в костюмах, с оркестром, последняя перед спектаклем — была назначена на 22 июня. Был чудесный солнечный день. Я пришла в театр пораньше, чтобы подготовиться, загримироваться, разогреться.

Началась репетиция. В антракте после первого акта мы слышали по радио страшное слово «война». За кулисами заплакали, запричитали женщины. Мы не знали, будет ли продолжаться репетиция... Но она продолжалась. Впереди был спектакль.

Выпускной спектакль состоялся, как было назначено, 26 июня. Праздник, который выпадает раз в жизни, был омрачен обрушившейся на страну бедой. Спектакль прошел хорошо, с успехом. Было много цветов. Публика, особая публика выпускных спектаклей, была очень доброжелательна.

После спектакля мы собрались и пошли пешком, с цветами, в гостиницу «Астория», где был заказан ужин. Играл маленький оркестр, мы хотели потанцевать, но подошел пожилой официант и сказал: «Ребята, не нужно танцевать, ведь война началась». Мы сразу притихли.

После ужина мы пошли на Неву, и все-таки пели, танцевали, прыгали — ведь позади школа, выпускной...

Потом все быстро-быстро переменялось, город стал готовиться к обороне. Окна первого этажа театра обложили досками и мешками с песком. А уже в августе театр и училище уезжали в эвакуацию. Мне сказали, чтобы я готовилась к эвакуации вместе с семьей — для всех будет место в поезде. Папы у меня тогда уже не было, его арестовали в 1937-м, прямо из дома увели. Мама работала, жили трудно. Но бросить квартиру и какие-то нажитые вещи было страшно. Еще тетя больная — как ее оставить одну? Мы решили, что не поедем. Думали, что, как и Финская война, эта тоже скоро кончится — ведь наша армия самая сильная и непобедимая. Мы не знали, что нас ждет...

19 августа я пошла проводить своих подруг, а наших мальчиков сразу после выпуска взяли в армию. Из них почти никто не вернулся. В первые дни погибли одноклассники: братья Игорь и Олег Якобсоны, Виктор Филиппов. И мой Печорин погиб. В живых остались только двое, Валерий Богданов и Борис Айзин.

Театр уехал. Что было делать? Как жить? Иван Нечаев возглавил оставшихся оперных артистов, а Ольга Иордан — балетных. Ваганова, еще не уехавшая из города, давала уроки в репетиционном зале для немногочисленной группы оставшихся, среди которых были Надя Красношеева, Наталья Сахновская, Роберт Гербек, Николай Шехматов, Таня Шмырова, Женя Гемпель, Тамара Ганус, Мила Стрельникова.

В театре спектаклей не было, но в филиале театра — Народном доме (где сейчас Мюзик-холл) в ноябре назначили первый спектакль, «Пиковую даму», где я должна была танцевать в пасторали. Я собрала гримировальный чемоданчик и пошла на свой первый, после выпускного, спектакль. Ехала на трамвае через Троицкий мост, когда начался обстрел. Мы выскочили из трамвая и побежали через мост. Били зенитки, гудели самолеты. Это был ужас — ты, такая маленькая, на бесконечном пустом пространстве, вокруг вода, огромная Нева. И взрывы, взрывы... Я сбежала с моста в скверик — и прямо в землю. Хотелось лечь и зарыться. Потом перебежками добралась до большого серого дома, где было бомбоубежище. Тревога продолжалась недолго, а когда вышла — какой театр? — я вся грязная, в тяжелом нервном состоянии, пошла пешком домой...

Нужно было как-то жить, работать. Иордан организовала блокадную балетную труппу. Она возобновила «Конька-Горбунка» и «Эсмеральду», в которых я танцевала. Спектакли прерывались воздушными тревогами. Было холодно.

Н. Ястребова (фея Осени).
Балет «Золушка». 1946 г.
Фото из архива АРБ имени А. Я. Вагановой

Мы надевали платки, кофты, а на балетные туфли — валенки. За кулисами все снимали и вылетали на сцену.

Сил становилось все меньше, питание все хуже. Вдруг нам выдали талончики на дополнительное питание. Помню, как после репетиций Сахновская, Гербек, Шмырова и я шли по улице Росси в Пушкинский театр, где помещалась столовая. Она казалась уголком рая — мы спускались вниз, окна были защищены досками, засыпаны песком. Нам давали картофельные котлеты с грибным соусом, чашку сладкого чая и пару кусков булки. Это была очень большая и очень вкусная поддержка. От тепла, еды мы расслаблялись и не хотелось уходить...

Обстрелы становились все чаще. Помню, в мой день рождения, 22 сентября, мы двенадцать раз спускались в бомбоубежище. Жили мы в Поварском переулке, на четвертом этаже. В нашем доме не было бомбоубежища, и мы бегали в Экономический институт — угол Кузнечного

и Марата. Однажды сидим под этим огромным шестиэтажным домом, — вдруг страшный грохот, треск, гаснет свет, крики, стоны. Все бросаются к выходу, давят друг друга. Кое-как выбрались на Кузнечный. И решили не ходить больше в убежище, чтобы не быть засыпанными заживо. Так мы сидели однажды в своей квартире, — вдруг все зашаталось, затряслось: десятитонная фугасная бомба упала рядом, упала очень счастливо — между двумя домами в центре Дмитровского переуллка. Немцы, видимо, целились в московский вокзал, но случился «недолет».

Тревоги, бомбежки, долгие часы в бомбоубежищах травмировали, прижимали гнетом страха. Я была свидетельницей совершенно страшной картины: на Невском, на Аничковом мосту, днем в трамвай попал снаряд. Это было месиво человеческих тел, и кровь с моста стекала ручейком в сторону дворца Белосельских-Белозерских (где в то время был райком партии).

Зима 1941–42 года стояла необычайно холодная: морозы до сорока градусов. Я ходила с двумя чайниками за водой на Фонтанку. Спуститься, вернее, съехать было можно, но подняться стоило невероятных усилий.

Все чаще женщины везли по улицам саночки с трупами. Женщины выживали лучше, они и везли в последний путь своих мужей.

Мое самое страшное, самое жуткое воспоминание блокадной зимы: я привезла на саночках умирающего от голода соседа в Больницу имени 25 октября и шла через двор... Я шла по узенькой тропинке, по сторонам которой на трехметровую высоту были сложены трупы, — ими был заполнен весь больничный двор. Эта тропинка осталась в моей жизни самой страшной дорогой.

Блокада... Многочасовые очереди на морозе за 125-граммовым кусочком глинистого хлеба. А как-то на карточку мы получили в бумажном кулечке кору от дерева.

Было очень страшно и очень холодно. Мы переселились в самую маленькую комнату, чтобы втроем было теплее. Спали, не раздеваясь, только валенки снимали. А потом случилась беда: сгорел наш дом, мы остались на улице без вещей, без всего. Нас приютили добрые люди. У нас не осталось ничего, что можно было бы поменять на хлеб.

Спектакли проходили все реже и реже — обстановка в городе и наше состояние не способствовали театральной деятельности.

Как-то в один из февральских вечеров к нам постучался Миша Воробьев. Он окончил балетмейстерское отделение. Миша мне говорит: «Театр не работает. Давай пойдем в армию — в Ансамбль песни и танца 23-й армии Ленинградского фронта». Мама сразу запричитала: «Ты у меня одна! Не отдам в армию. Там тебя убьют!».

Но, подумав, поразмыслив, я собрала свои вещички, и Миша Воробьев отвез меня в армию. Штаб и политотдел 23-й армии находились в Юкках, в больших трехэтажных казармах. На втором этаже одного из зданий поместились и мы.

Ансамбль возглавлял известный композитор Георгий Носов. Был очень хороший оркестр, состоявший в основном из студентов Консерватории. Например, был великолепный трубач Вениамин Марголин. В дальнейшем он был первой трубой в оркестре Мравинского, а сейчас — профессор Консерватории. Был у нас известный певец Леня Кострица, интересные чтецы — Борис Стрельников и Владик Стржельчик, ставший впоследствии знаменитым артистом. В нашем балетном коллективе была моя соученица Люся Каммерберг, Вера Станкевич (в дальнейшем известная балерина в Малом оперном), мой партнер Юра Воронцов, тоже окончивший наше училище. Художественным руководителем группы был Миша Воробьев.

Мы получили военную форму, сапоги. Я взяла с собой балетные туфли, но надевать их, делать экзерсисы было просто негде — мы репетировали на цементном полу. Многие номера, например «Тачанку», я танцевала в военной форме: юбке, гимнастерке, сапожках. И все-таки мы с Юрой Воронцовым приготовили классические номера — «Мелодию» Глюка и вальс.

Большим коллективом мы выезжали редко, чаще делились на небольшие концертные бригады: баянист, певица, чтец и танцовщики.

Один такой концерт был на передовой в артиллерийском батальоне. Батальон стоял на холме, а концерт проходил внизу на полянке. Сцена — просто земля, трава. На пеньке аккордеонист Женя Балашов сидит, играет, рядом с ним стоит связист и держит телефонную трубку. Мы спрашиваем: «Зачем?». Он говорит:

«У орудий тоже хотят послушать». Мы танцевали «Русскую», украинский «Гопачок», «Тачанку» — наш основной репертуар. Почему мне запомнился этот концерт на полянке? После концерта ко мне подошел немолодой мужчина, говорит: «Спасибо, дочка, за радость, которую ты доставила!» — и протягивает букет цветов, обвязанный алюминиевой проволокой с палец толщиной. Цветы сорваны здесь же на полянке: колокольчики, ромашки, какие-то травы. Этот букет я никогда в своей жизни не забуду!

Был концерт и в авиационном полку. Летчики сдвинули две машины, открыли борта — получилась сцена. Мы с Юрой обрадовались и решили станцевать на этой сцене наш классический номер. Я надела трико, тунику, косковые туфли. Выходим и чувствуем, что ноги скользят. Оказывается, летчики, готовясь к нашему приезду, вымыли грузовик, а была уже осень, и доски кое-где заledenели. Что делать? Вышли, нужно танцевать. Мы «держали ноги в зубах», но станцевали на ледяном полу.

Как-то на концерт в дивизионе пришлось идти через минное поле. Проводник сказал — идти след в след, ни сантиметра в сторону. Было очень страшно, но когда мы пришли и увидели, как нас ждали, как нам благодарны, то забыли про свой страх.

Жили мы в ансамбле очень дружно. Если кто-нибудь получал командировку в Ленинград, все собирали немного еды: сухари, баночки с кашей. Никто никогда не отказывался отнести посылку с едой родным, хотя транспорта не было и приходилось идти пешком иногда через весь город. Я очень поддерживала этим маму и тетю, они не выжили бы без моей помощи.

Время шло, и я узнала, что возвращается из эвакуации театр. Такое волнение! Мы с Юрой Воронцовым обратились с просьбой о демобилизации. Командование отнеслось с пониманием, нас демобилизовали, и мы снова появились в театре.